

Служение народу, служение делу мира

Гениальный мастер русского театра Константин Сергеевич Станиславский был пламенным патриотом своей Родины. Вся жизнь его — пример вдохновенного труда — была посвящена борьбе за процветание русского театра, за утверждение его славы, за то, чтобы советское театральное искусство стало, как он говорил, вышкой мирового театра.

Верой в прогресс человечества проникнуто все его творческое наследие. Созданная им творческая «система» призывает художников сцены к неустанному совершенствованию своего мастерства, к новым завоеваниям в области высокохудожественного театрального искусства.

Разработанная в системе Станиславского технология актерского творчества направлена к достижению определенной цели — глубокому раскрытию «жизни человеческого духа» изображаемого лица и верному отображению на сцене явлений реальной действительности. Искусство, по убеждению Станиславского, должно указывать человечеству путь к счастью, воплощать «идеалы, самим народом созданные».

Каковы же эти идеалы в понимании Станиславского? Сформулированы ли в его творческом завещании та «сверхзадача» (или вернее «сверхсверхзадача»), которая должна стать содержанием, идейно-творческой целью артистов нового поколения? В подготовляемом в настоящее время издании избранных сочинений Станиславского будет впервые напечатан ряд его высказываний о назначении театра, о задачах, стоящих перед театральным искусством. Эти высказывания проникнуты острым ощущением современности, поражают своей глубиной и перспективностью.

В них Станиславский нигде не отрывает вопросы техники искусства от содержания, и его требования к совершенствованию мастерства актера идут от тех требований, которые предъявляются театру самой жизнью. Станиславский понимал служение искусству как служение обществу, служение своему народу и считал театр могущественным средством воздействия на общественное сознание.

«Но разве то, что до сих пор сделано артистами, это все, что может и должен давать театр? — спрашивал Станиславский. — Нет, тысячу раз нет».

«Подлинного театра еще не было, — утверждал он после возвращения из гастрольной поездки МХАТ за границу в 1924 году, — в нем должны быть люди идеи, понимающие свою высшую миссию и выполняющие ее не из-за лишнего хлопка, венка, не ради удовлетворения своего маленького, актерского, каботинского самолюбия, а ради национального патриотизма и высокой общечеловеческой цели».

В чем же, по мнению Станиславского, заключается эта высокая цель подлинного театра? Ответ, написанный Станиславским много лет назад, звучит так, как будто великий художник говорит с нами сегодня: «такой театр должен быть одним из главных орудий борьбы с войной и международным средством поддержки всеобщего мира на земле. Театр, — продолжает Станиславский, — лучшее средство для общения народов между собой, для вскрытия и понимания сокровенных чувств. Если бы эти чувства чаще вскрывали и народы узнали бы, что в большинстве случаев нет повода для злобы и ненависти друг к другу, что ее искусственно разжигают для иных, эгоистических целей, сколько бы раз народы пожали бы друг другу руку, сняли шапки, вместо того, чтобы наводить друг на друга пушки...».

Суммируя свои впечатления от посещения Европы и Америки, он писал: «Я знаю много театров, которые служат тому, чтобы возбуждать взаимную ненависть, снобизм, разврат».

Я знаю страны, где такие театры поддерживаются субсидиями государств или содержатся ими, а идей-

Из высказываний К. С. Станиславского

ные театры, пытающиеся пойти по тому пути, по которому должен существовать театр. — влечат жалкое существование, поддерживаемые грошом частных лиц, преданных идее подлинного театра.

Проехав почти по всем главным центрам Европы, я увидел повсюду то же явление: пошлый кинематограф и зрелищные, забавляющие, постановочные спектакли забивают театр и его подлинное искусство. Это уничтожение вековых традиций искусства актера происходит как раз в то время, когда театр и его искусство стали, как никогда, нужны человечеству для самых высших целей».

По убеждению Станиславского, зарубежное искусство катастрофически падает именно потому, что служит не высоким, а низменным, реакционным идеям, которые подливаются правительствами капиталистических стран. По возвращении из-за границы он говорил о том, что тлетворный запах войны на Западе душит искусство, лучшие традиции которого там уже потеряны.

— Дальнейший расцвет искусства возможен только у нас, в Советском Союзе, — утверждал Константин Сергеевич, — и на нас возлагается теперь ответственность не только за развитие нашего национального театра, но также и за сохранение великих театральных традиций мирового театра, традиций Шекспира и Мольера.

Силу советского искусства Станиславский видел не только в высоком уровне мастерства, а прежде всего в том, что оно оплодотворяется передовыми, прогрессивными идеями.

«Мы несем рядом с красным знаменем — пальмовую ветвь мира», — писал он.

Мысль о том, что театр призван служить делу мира и дружбы между народами, можно встретить во многих высказываниях Станиславского.

«Нет лучшего средства для познания народов и сближения их, — писал Станиславский в ответ на извещение об избрании его почетным артистом Татарского театра, — как передача в художественных сценических произведениях национальных народных чувств и мыслей, выраженных гениями страны в своих литературных произведениях и передаваемых лучшими национальными артистами из души в душу. Пусть же театр знакомит и сближает народы между собой для достижения общего мира».

Мечтая о сближении народов между собой и о взаимовлиянии друг на друга театров отдельных национальностей, Константин Сергеевич был далек от идей космополитизма, полагая, что каждый народ должен сохранять в своем творчестве «всю прелесть многокрасочного искусства своей Родины, воскрешая картины ее прошлого и отражая ее борьбу за настоящее». Он советовал национальным театрам внимательно прислушиваться «к завоеваниям современной сцены, используя их в согласии со своими национальными особенностями (Везде подчеркнуто мною. — Г. К.) и уверенно продвигаясь к созданию большого искусства нашей эпохи».

Станиславский считал себя художником, стоящим на позициях социалистического реализма — того искусства, «к которому теперь со всей твердостью и убежденностью стремимся наш театр». В методе социалистического реализма видел он единственный путь в искусстве, избранный самим народом. «Народ устами своего правительства определенно и сильно сказал свое мнение о том искусстве, которое они считают годным и нужным для нашей эпохи. Имя этого искусства «социалистический реализм...».

Все эти высказывания рисуют Станиславского передовым общест-

венным деятелем эпохи социализма, полным глубокой веры в светлое будущее нашей страны.

Убеждения Станиславского формировались постепенно, на протяжении всей его жизни в искусстве. Он сумел преодолеть узко-классовые интересы той буржуазной среды, из которой вышел, и поставить себя безоговорочно на службу интересам народа.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции Станиславский испытал известную растерянность перед лицом великих революционных потрясений, изменивших облик нашей страны. Но благодаря мудрой политике партии, умело направлявшей деятелей молодой социалистической культуры, он осознал высокие задачи, стоящие перед советским театром. Вот как об этом рассказывает сам Станиславский в статье, написанной к двадцатой годовщине Октября:

«Жизнь поставила перед нами новую трудную задачу; мы встретились с неизвестной нам до того времени аудиторией и новыми, не сразу понятными нами задачами общественно-политического характера. Многие разрешали эти задачи простотой сценической агиткой. Мы растерялись и в таком состоянии недоумения и поисков провели долгие годы, пока, наконец, не произошло то, чему я не знаю примера в истории: на защиту подлинного искусства выступили не мы сами, артисты, а партия и правительство.

В памятной всем статье в «Правде» (Очевидно, имеется в виду статья «Сумбур вместо музыки», опубликованная в «Правде» 28 января 1936 г., где на примере разбора оперы «Леди Макбет Мценского уезда» разоблачались лжеоаторские, формалистические тенденции в искусстве и утверждались принципы реализма. — Г. К.) от театра потребовали не суррогата, а подлинного искусства. Эта корректура сверху сразу направила работу по верному пути. Благожелательное, любовное отношение к артистам, постоянные нравственные и материальные поощрения, щедрые награды за успехи довершили все остальное. Они укрепили уверенность и постоянно толкают вперед, к новым достижениям.

Работа рука об руку с правительством придает нам огромную силу и открывает широкие горизонты».

Станиславский даже смотрел в будущее и мечтал о той роли, которая выпадает на долю театра при коммунизме.

«Человечество должно готовиться к этой счастливой жизни, — писал он, — в которой на долю артистов выпадает важная роль.

Артисты будут совершать походы из одних стран в другие, но не из корыстных, агрессивных целей, а ради культурных завоеваний. Театры одной из республик будут «объявлять войну» другим для соревнования в разных областях искусства. Лучшие представители нации с лучшими произведениями и лучшими исполнителями будут командироваться из одной республики в другую для того, чтобы передавать в лучших произведениях искусства душу народа, лучшие его чувства. Возникнут горячие схватки, споры во славу человеческой культуры, ради ее постоянного роста и усовершенствования. Пусть человечество и мы, артисты, готовятся к этим боям и победам. Пусть берегут достижения прошлого, традиции старого искусства, пусть познают законы, данные для этого самой природой. При такой перспективе и с помощью друзей искусства — партии, правительства, их вождя И. В. Сталина — нам не страшны трудности. Чудесное будущее манит нас к себе и дает невероятную силу в настоящем».

Вдохновенным трибуном, пламенным патриотом своей Родины, призывающим театр откликаться на самые острые запросы современности, со взглядом, всегда устремленным вперед, в счастливое будущее человечества, таким помним мы Станиславского.

Г. КРИСТИ.